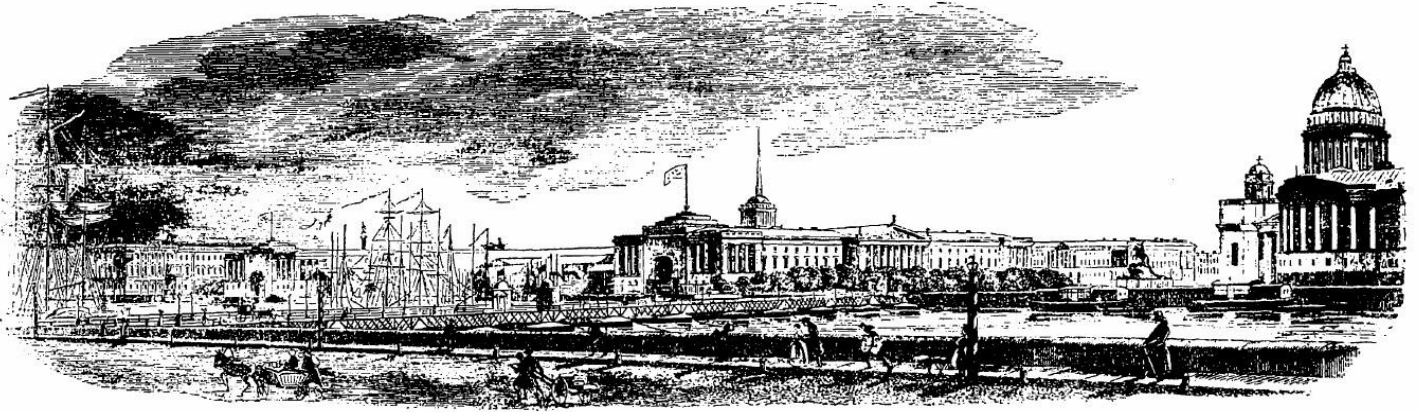

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Т. III. № 57. — СУББОТА, 5 ОКТЯБРЯ 1846.

(№ 72.)

Подписная цѣна на годъ 10 р. сер.; съ доставкою и пересылкою 11 р. 50 к. сер.

С О Н Ъ.

(ИЗЪ БАЙРОНА.)

A dream which is not ale a dream.
DARKNESS.

I.

Жизнь двойственна: Нашъ сонъ, какъ жизнь, имѣетъ
Свой дивный мѣръ. Его напрасно люди
Зовутъ чертой граничной бытія
Съ небытіемъ. Сонъ—то же жизнь. Во снѣ мы
Какъ на яву окружены мечтами,
Исполненными жизни; мы горюемъ;
Мы слезы льемъ и радуемся часто.
Сонъ, иногда, пригрезившійся намъ
Волнуетъ насъ и послѣ пробужденія,
А иногда, онъ усаждаетъ горе,
Которое насъ грызло на яву.
Летучія и явственныя грезы,
Какъ призраки прошедшаго, летятъ,
Пророчествуя часто, какъ Сивиллы.
Сны чудную имѣютъ силу... Въ насъ
Они, то грусть, то радость пробуждаютъ,
Они творятъ изъ насъ другихъ людей
По прихоти. Они пугаютъ насъ
Мпутными видѣньями и тѣнью,
Встающею и гибнущею тотъ часъ...
Но боже мой! прошедшее—не сонъ ли?
А что же сонъ такое? Сила духа,
Способная воссоздавать.—Душа
Творитъ міры несущіе, и можетъ
Ихъ населить такими существами,
Которыя стократно выше насъ —
По времени и красотѣ и цѣлямъ.

II.

Я видѣлъ два прелестныхъ существа
Во цвѣтѣ лѣтъ. Они гуляли вмѣстѣ
По зелени пригорка: этотъ холмъ
Казалось былъ кольцомъ послѣднимъ—цѣпи
Другихъ холмовъ и выдавался мысомъ.
Вокругъ него не растлалось море,
Но вмѣсто волнъ смѣялись лугъ и пашни;

А дальше лѣсъ, а по опушкѣ лѣса
Крестьянскія избытки, изъ которыхъ
Клубами дымъ взвивался...

Здѣсь-то были

И юноша и дѣвушка: она
Съ любовію глядѣла на картины,
Кругомъ ея раскинутыя... онъ же
Ее одну, казалось, только видѣлъ.
Они цвѣли красой и жизнью оба,
Но разница замѣтная въ лѣтахъ
Была видна межъ ними. Какъ луна,
Прорѣзавшись на краѣ небосклона,
Она была къ развитію близка
И полному цвѣтению жизни. Онъ же
Хотя отсталъ годами, но за то
Опередилъ ее развитіемъ сердца...
Всѣ чудеса и прелести вселенной
Слилися въ ней для юноши, и онъ
Вглядѣлся такъ въ черты лица, что память
Ее одну ему изображала...
Онъ весь былъ въ ней. Дышалъ ея дыханьемъ,
Онъ видѣлъ все—ея глазами, думалъ—
Ея умомъ... Отрывистое слово,
Звукъ, брошенный на вѣтеръ ею—часто
Рождали въ немъ какой-то знойный трепетъ...
Онъ не жилъ самъ: въ ея существованьи
Все бытіе его сливалось. Мысли,
Какъ бы ключи, стекались въ океанъ
Ея души. Пожатіе руки,
Звукъ голоса въ немъ разливали тотъ часъ
Ознобъ и жаръ: то онъ блѣднѣлъ, то яркій
Румянецъ жегъ лице его. Едва-ли
Онъ понималъ, что было съ нимъ...

Межъ тѣмъ,

Она была чужда его волненіямъ,
И вздохъ ея летѣлъ къ другому... Братомъ
Она могла назвать его—и только...
Но юношѣ вѣстаго довольно
Отъ существа, которое отъ сердца
Звала его имя именемъ.
Она была единственною вѣтвью
Угаснувшей и доблестной семьи.

Быть братомъ той, которую любилъ онъ —
Онъ и хотѣлъ и не хотѣлъ... Зачѣмъ же?
Года ему, потомъ, глаза открыли
И грустную повѣстка дали повѣсть...

III.

Мой сонъ теперь внезапно измѣнился...

Я видѣлъ домъ старинный. У воротъ
Ржалъ конь уже осѣданный. Въ обширной
Готической молельнѣ, съ безпокойствомъ
Взадъ и впередъ тотъ юноша ходилъ...
Но вотъ онъ сѣлъ, схватилъ перо и что-то
На лоскуткѣ бумаги написалъ...
Потомъ склоняся печально головою,
Онъ оперся и судорожно вздрогнулъ;
Тамъ, снова онъ всталъ съ мѣста—и письмо
Вдругъ разорвалъ—но слезъ надъ нимъ не пролилъ...
Минуты двѣ прошло—и онъ утихъ;
Какое-то спокойствіе святое
Во всѣхъ чертахъ его замѣтно стало.
Вдругъ настѣжъ дверь—и въ комнату вошла
Съ улыбкою и кротостью во взглядѣ,
Та дѣвушка, съ которой онъ гулялъ.
Она была чиста какъ ангелъ Божій,
Но видѣла любовь его, но знала,
Что тѣнь она кидаетъ на него,
Что онъ страдалъ... а какъ страдалъ? едва ли
Она могла понять его печали...
Онъ подошелъ: Взялъ руку у нея
И дружески пожалъ ее: въ сей мигъ
Въ его чертахъ, движеніяхъ, въ каждомъ взглядѣ
Роплась тѣма какихъ-то думъ: не скоро
Съ его лица все сгладилось. Руку,
Онъ выпустилъ изъ рукъ своихъ, и вышелъ
Изъ комнаты. Грозная разлука
Казалось ихъ несколько не слугила:
Съ улыбкою они разстались... Двери
Старинныя, со скрипомъ отворались...
Онъ вышелъ вонъ, вскопчилъ на скакунѣ,
И былъ таковъ!.. Ужъ только послѣ
Онъ не входилъ въ тѣ двери—никогда...

IV.

Изъ юноши онъ мужемъ сталъ... Отчизной,
Онъ избралъ край далекій и пустынный,
Гдѣ солнце жгло окрестность: это солнце
Съ его душой согласовалось. Платье
И весь нарядъ его былъ какъ-то странный,
И самъ онъ былъ, не тѣмъ, чѣмъ былъ онъ прежде.
Онъ жизнь свою обрекъ волненьямъ: море,
Дѣса и степь ему отчизной стали...
Тѣмъ образомъ, видѣній и картинъ
Мнѣ видѣлось... и всюду былъ онъ. Послѣ
Явился онъ, въ полдневный зной, ища
Прохладнаго покоя: межъ колоннъ,
Подъ тѣнью стѣнъ, кругомъ обросшихъ мохомъ,
Своихъ творцевъ однако пережившихъ
Онъ легъ, заснулъ. Не въ далека,
Отъ спящаго, паслись верблюды... дальше
У звонкаго потока ржали кони—
И человекъ, одѣтый въ плащъ широкій
На стражѣ былъ... кругомъ его лежала
Толпа племеницевъ. Кровь надъ ними
Была сводъ небесъ—и этотъ сводъ небесъ
Былъ такъ хорошъ, лазуренъ и прекрасенъ,
Что только Богъ на немъ бы могъ явиться...

V.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился...

А дѣвушка, которую любилъ онъ
Была уже другому отдана...
Она жила въ отечествѣ... далеко
Отъ странника, блуждавшаго въ чужбинѣ.
Вокругъ нея, рѣзвясь, играли дѣти,
Прелестныя собою, какъ она:
Но на лицѣ у нея видѣлась горестъ,
Тѣнь внутренней борьбы; а на рѣсницахъ
Слезинки пробивались... Боже мой!
О чемъ бы ей печалиться, казалось?
Тотъ близокъ къ ней, кого она любила,
А тотъ, кто самъ ее любилъ безумно

Былъ далеко... онъ не взволнуетъ болѣ
Ея мечты преступною надеждой,
И горестью своею не навѣтетъ
Ей на сердцѣ тревожнаго волненья...
О чемъ же бы, казалось, горевать?
Она любви его не отвѣчала,
Она надеждъ ему не подала...
Въ ея тоскѣ онъ призракъ отдаленный,
Едва-едва очамъ мелькнувшій сонъ...

VI.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился...

Изгнанникъ вновь на родиѣ... Мнѣ снится—
Что въ храмѣ онъ стоитъ у алтаря
Съ невѣстою... Она собой прекрасна,
Но все не та, звѣзда любви начальной!...
И между тѣмъ, когда идетъ обрядъ—
Его лицо, покрыто тою жъ тѣнью,
Какъ иѣкогда въ молельнѣ... Тотъ же трепетъ
Замѣтенъ былъ въ груди его... какъ прежде
Въ глазахъ его роплась бездна думъ
Загадочныхъ... но вотъ онъ какъ-то тише,
Спокойнѣй сталъ—и произнесъ обѣтъ.
Но мыслится мнѣ, что въ клятвѣ иѣтъ сознанья...
Что все идетъ кругомъ въ глазахъ его,
И что онъ совсѣмъ почти не помнитъ гдѣ онъ,
И близъ кого... Въ умѣ его проходятъ
Старинный домъ... рядъ комнатъ... утро... вечеръ...
И тѣ мѣста, гдѣ былъ онъ съ ней когда-то
Прошедшее явилось, словно призракъ,
Текущій мигъ закрыло передъ нимъ...
Богъ вѣсть зачѣмъ пришелъ воспоминанья
Незванья... зачѣмъ они пришли!...

VII.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился...

Та женщина, которую любилъ онъ,
Была не той, чѣмъ иѣкогда. Болѣзнь
Душевныя убила душу. Разумъ
Затерялъ былъ. Глаза померкли. Взоры,
Оторвались отъ дольняго. Какъ Фея
Она жила въ воздушномъ царствѣ. Мысли
Несродныя одна съ другой тѣснились
Въ ея умѣ. Невидимыя нами
Видѣнія летали вокругъ нея...
И назвалъ свѣтъ ее—безумной. Но безумье—
Печальный даръ! Оно способно видѣть
Незримое для мудрости. Оно
Яснѣ насъ читаетъ книгу жизни,
Сближая насъ, какъ телескопъ съ природой.
Убивъ мечты, безумье насъ знакомитъ
Съ той истиной, которую разсудокъ
Въ цвѣтистыя одежды облакаетъ...

VIII.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
Скиталецъ мой опять одинъ. Тѣ люди,
Которые тѣснились вокругъ него,—
Одни его оставили, другіе
Къ нему пришли съ открытою враждой.
Преслѣдуемъ обидами и злобой
Онъ жертвой сталъ несчастій. Тяжкимъ горемъ
Отравлено все было для него:
Какъ Митридатъ онъ сталъ питаться ядомъ,
И этотъ ядъ надъ нимъ утративъ силу,
Сталъ, наконецъ, его любимой пищей:
Онъ жизнь нашелъ, гдѣ видятъ смерть другіе...
И сдѣлался его друзьями—горы,
И звѣзды съ нимъ бесѣду повели,
Незримые владыки міра, духи
Ему въ тиши рассказывали повѣсть
О чудесахъ вселенной. Ночь ему
Открыла грудь. Изъ безднъ стремнинъ глубокихъ
Ему шепталъ какой-то дивный голосъ
О чудесахъ и таинствахъ подземныхъ...